

16+

Алина Углицкая
Наследница Асторгрейна
Книга первая

Наследница Асторгрейна

Алина Углицкая

Наследница Асторгрейна. Книга 1

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Углицкая А.

Наследница Асторгрейна. Книга 1 / А. Углицкая — «ЛитРес: Самиздат», 2020 — (Наследница Асторгрейна)

ISBN 978-5-532-98392-2

Много лет я считала своим отцом простого рыбака из Эроллы, а его жену — своей матерью. И не понимала, почему она так ненавидит меня — свою дочь. Но один день, перевернувший наши жизни, расставил все по своим местам. К нам в деревню наведались даханны. Мрачные, таинственные, неприступные и безумно опасные. Они прячут свои лица под масками и увозят наших девушек в никуда. В этот раз жребий выпал моей сестре, но ее место заняла я. В оформлении обложки использованы фото с сайта depositphotos. Дизайн: Nina Neangel.

ISBN 978-5-532-98392-2

© Углицкая А., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	19
Глава 6	24
Глава 7	29
Глава 8	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Алина Углицкая

Наследница Асторгрейна. Книга 1

Пролог

На нашей планете только один небольшой материк, занимающий часть западного полушария. Здесь живем мы, санхейо, вернее то, что осталось от нашего народа. Не так давно полноводная река разделяла его на две половины, но во время Войны даханн осушили ее. Теперь это просто огромный каньон, окруженный голыми скалами и выжженной землёй. Его еще называют каньоном Смерти.

Мой народ предпочитает селиться подальше от этих мест. Слишком уж тяжело мы переносим темную магию даханнов. Каньон фонит вот уже сто пятьдесят лет. Слишком маленький срок, чтобы забыли взрослые, слишком большой, чтобы помнили дети.

Сейчас даханн нас почти не трогают, но неусыпно следят. После капитуляции нашего короля, они вырезали все мужское население в возрасте от десяти лет и запретили женщинам оставлять больше одного младенца мужского пола на семью. Они лишили нас того, что давало нам защиту: наших мужчин, нашей армии.

Теперь вместо короля у нас наместник императора, а на всех ключевых постах даханн. Но каждый год в одно и то же время император Тысячи Островов устраивает празднества в честь победы над санхейо. Десять огромных кораблей под парусами цвета крови прибывают в главный порт бывшего королевства, превратившегося в имперскую колонию, и ровно сотня невинных дев отправляется в неизвестность через океан.

В этом году жребий выпал моей сестре.

Но кто знал, что мне придется занять ее место...

Глава 1

Я хорошо помню тот день, когда в наш дом постучала беда.

С самого утра я возилась в саду, подрезая розы. Отец еще месяц назад ушел на баркасе в море и до сих пор не вернулся. За это время мы пережили пару штормов и теперь очень боялись, что один из них оказался для него фатальным.

Мать и Шайель целыми днями пропадали в храме, надеясь разжалобить богов и позволить нашему отцу вернуться домой целым и невредимым.

Так что я была в доме совершенно одна, когда со стороны улицы донеслись звуки приближающейся конницы. Кавалькада из четырех всадников, закутанных в плащи, подъезжала к нашему дому. Это были даханны.

Прежде мне не приходилось сталкиваться с ними, но не узнать их было невозможно. Только они скрывали свои лица под масками, а головы повязывали платком, причем так, что за сто пятьдесят лет мы так и не узнали, какого цвета у них волосы. К тому же, даханны были гораздо выше наших мужчин и намного шире в плечах. Они считались бесстрашными воинами, но им неведомо было чувство прекрасного. Среди них не рождались ни певцы, ни художники, ни музыканты. Это была прерогатива санхейо.

У ограды нашего дома всадники остановились. Один из них спешил и настойчиво постучал в ворота, обыскивая взглядом мощный кирпичом двор. Его голову покрывал черный платок, завязанный на морской манер, а лицо закрывала плотная маска, оставлявшая открытыми лишь глаза, губы и твердую линию подбородка. Фигура даханна терялась в складках плаща, но я хорошо разглядела тубус из серебристого металла, который он держал затянутыми в перчатки руками.

Положив секатор, я поспешила к воротам. Почему он не вошел? Неужели настолько вежливый?

– Эйра Димантис? – голос даханна оказался низким, рокочущим, как нельзя больше подходящим его мощной фигуре.

– Я ее дочь.

– Могу я удостовериться?

Я неловко обтерла руки о фартук и протянула ладонями вверх. Даханн снял правую перчатку и на мгновение коснулся поочередно каждой моей ладони. Оба раза меня пронзило легким электрическим разрядом.

Санхейо и даханны несовместимы: ни физически, ни ментально. Этому учат в школе. Только вот мы, в отличие от них, не можем прочесть мысли одним прикосновением. Наоборот, даже кратковременный контакт с темными может привести к необратимым последствиям. Каким точно – никто не знает, ведь последние сто пятьдесят лет учебники нам пишут сами даханны, а они не слишком спешат раскрывать секреты.

– Эйрина Димантис, – мужчина левой рукой протянул мне серебристый тубус, с крышки которого свешивалась багровая императорская печать, – передайте это вашим родителям или опекунам. Вскрывать самостоятельно или прятать не советую. Может плохо кончиться.

Пока я подыскивала подходящие слова, он резко развернулся, взметнув полы плаща, и направился к своим товарищам. Я чувствовала на себе их заинтересованные взгляды, от которых хотелось залезть в самую глубокую нору и не высовываться. Но вместо этого я упрямо вскинула подбородок и не менее нагло уставилась в ответ.

Посыльный легко взлетел в седло и натянул перчатку. Один из его спутников наклонился к нему и что-то сказал, бросая на меня из прорезей маски задумчивый взгляд. Тот белозубо улыбнулся в ответ. Остальные расхохотались.

Это был непринужденный смех уверенных в себе людей. Так смеются хозяева жизни, не ведающие горечи поражений. Я впитывала его как цветок утреннюю росу: в нашем поселке уже давно никто не смеялся.

Мать и сестра вернулись к ужину. Я встретила их на пороге, и в который раз мое сердце кольнула боль.

Всю жизнь, сколько себя помню, Шайель была маминой дочкой. Именно ее эйра Димантис считала своей гордостью, надеждой и опорой, а мне приходилось жить в тени сестры. Что и говорить, Шайель была красавицей: идеальный овал лица, миниатюрная фигурка, нежная кремовая кожа и роскошные волосы цвета воронова крыла. В нашем поселке оставалось не так уж много мужчин брачного возраста, и почти все они ждали, пока Шайель войдет в четырнадцатую весну, чтобы прислать сватов.

Хотя нет, не все. Эйр Вайон последние десять лет ожидал моего согласия. Это был единственный мужчина, который прислал мне пояс принадлежности. Очень красивый: из тонко выделанной кожи, украшенный золотыми монетками и цветными камешками, но я до сих пор его не надела.

Родители просили подождать, ведь эйр Вайон был старше меня на двадцать лет, к тому же дважды вдовец. Высокий, но не выше меня, худой, с каштановыми волосами до плеч, которые он заплетал в низкий хвост, и глубокими карими глазами. У него были тонкие губы, острый подбородок и длинная шея с выступающим кадыком, но при всей своей худобе он был удивительно сильным. Первая жена оставила ему двух дочерей, вторая – сына. Вряд ли он захотел бы детей от меня, не настолько он богат, чтобы содержать такую большую семью. Все ждали, а вдруг для меня найдется жених перспективнее? Но эта надежда таяла с каждым днем.

В нашей стране было слишком много женщин и слишком мало мужчин. Процент соотношения примерно один к пяти, и это по самым оптимистичным прогнозам. Давно отошел в прошлое институт ухаживаний, теперь выйти замуж стало для девушки желаннее, чем получить титул в наследство. За последние пятьдесят лет в нашем поселке был только один отказ. Мой. Я боялась, что эйр Вайон быстро найдет мне замену, но вот уже десять лет он исправно посылал мне цветы, возил на ярмарку и вел себя так, будто я была единственной свободной женщиной на всю округу. Я догадывалась почему. Мало кто захочет идти за вдовца с тремя детьми, и такую, как я, мало кто возьмет замуж. Каждый из нас был несчастен в своем одиночестве, но и парой мы вряд ли бы стали.

Но за эти десять лет я сильно к нему привязалась и даже начала испытывать какие-то чувства. Вряд ли это была любовь, скорее дружеское участие. В присутствии эйра мне было тепло и хорошо, но все же его редкие, осторожные поцелуи ничего не затрагивали в моей душе.

Вот так и вышло, что в свои двадцать четыре я все еще была не замужем, и впереди замаячила перспектива пополнить ряды старых дев. Родители тянули до последнего с моим обручением, а теперь вообще собирались совместить помолвку Шайель с нашей, чтобы сэкономить на тратах. Но после того как отец исчез, помолвки и свадьбы вновь отошли в необозримое будущее.

– Матушка, – я склонила голову, позволяя матери поцеловать себя в лоб, – я вас заждаюсь. Вы сегодня задержались.

– Зря ты не ходишь с нами в храм Двуликого. Сегодня там выступал удивительный сан-хейо, жрец высшей ступени, прибывший из главного храма в столице.

Я незаметно скривилась. После пропажи отца мать медленно, но верно впадала в зависимость от религии. Не то чтобы я была атеисткой, нет, но моя вера не нуждалась в храмах, жертвоприношениях и жрецах. Наоборот, я предпочитала молиться в одиночестве и за закрытыми дверями, не выставляя свои чувства и переживания напоказ.

– А что с хлебом? Опять забыли?

Мать молча обошла меня, предоставив разговаривать с Шайель. Младшая сестренка только вздохнула:

– Денег не хватило.

– Но ведь утром вы взяли достаточно. И на жертвенного голубя и на мирровое масло...

– Ну, да... только во время проповеди собирали пожертвования на восстановление столичного храма... вот мама и...

Я лишь головой покачала. Станный фанатизм матери начинал пугать меня все больше и больше.

Глава 2

Про тот злополучный тубус я вспомнила лишь за ужином. Кто бы знал, как не хотелось мне отдавать его матери! Непонятная тревога сжала мое сердце, когда я, наконец, решилась о нем рассказать

– Говоришь, даханны? – удивилась мать. – Дай-ка я посмотрю...

Я протянула ей серебристый футляр. Едва она его взяла, как багровая печать с имперским львом на оттиске поплыла, как свечной воск, и тубус раскрылся по всей длине на две половинки. Внутри лежал свиток, перевязанный тонкой золотой цепочкой филигранного плетения.

– Какая красота! – ахнула Шайель, протягивая руку.

– Стой! – я успела ее оттолкнуть. – Он сказал, что только родители или опекуны могут открыть!

– Ты слишком впечатлительна, – надулась сестренка, – в твоём возрасте нужно быть хладнокровнее.

Я молча поджала губы. Если бы не родители, я бы уже давно была замужем и жила в доме эйра Вайона. И мне не приходилось бы мириться с вздорным и капризным характером избалованной сестры.

– Не ссорьтесь, – мать устало откинулась на спинку кресла, в котором сидела. – Сейчас все узнаем.

Она вынула свиток и осторожно сняла с него изящное украшение. Оно было слишком маленьким, чтобы носить на груди и слишком большим, чтобы одевать на руку. К тому же цепочка оказалась замкнутой, без замочка, зато с крошечным кулончиком в виде прозрачной капли.

Отложив его в сторону, мать раскрыла свиток и вгляделась в витиеватую вязь. Вроде буквы были наши, но манера написания, придаточные хвостики, петли и вензеля делали текст практически нечитаемым. Мы с Шайель примостились на подлокотниках кресла, заглядывая ей через плечо.

– "Мы милостью Вседержителя император Тысячи Островов Архарон IV, объявляем девицу Шайель Димантис избранницей империи и повелеваем эйру Димантису и эйре Димантис пятого числа месяца эловеля сего года сопроводить свою дочь Шайель Димантис в главный порт Эрливейл. При себе девица Димантис обязана иметь знак, прилагающийся к данному посланию. Отказ или уклонение от выполнения расцениваются как бунт против императорской власти, и будут преследоваться в порядке, установленном Законом". Мать оторвала взгляд от свитка и медленно прошептала:

– А какое сегодня число?

– Первое эловеля.

Мы с сестрой растерянно переглянулись. Губы Шайель дрогнули, глаза повлажнели, и она тихо всхлипнула. Мать обняла ее, прижимая к своей груди, а я отвела взгляд. Мне вдруг остро захотелось оказаться на ее месте, чтобы это меня так обнимали, меня жалели. Мне даже на какой-то момент стало завидно, что это не мое имя стоит в том свитке.

– Когда-нибудь это должно было случиться, – пробормотала я. – Каждый год сто девушек... в нашем поселке уже шесть раз забирали...

– Что ты говоришь! – мать сверкнула глазами. – У тебя отец сгинул, сестру забирают как военный трофей, а ты хоть бы слезу выдавила! Бездушная!

– Если я устрою потоп, то вряд ли это поможет, – язвительно заметила я.

– За что Двудликий послал мне такое наказание! За какие грехи! В тебе же нет ни капли сочувствия или жалости, и ты упряма, как ослица! – будто плюнула она мне в лицо.

Я отшатнулась. Обидно слышать такие слова от собственной матери, но она права. Упрямото, точнее упорство, отличительная черта моего характера. А еще прямолинейность и острый язык.

– Жалость унижает санхейо! – бросила я в ответ фразу из кодекса нашей несуществующей армии. – Пожалеть можно калеку, посочувствовать вдове, а наша Шайель ни к тем, ни к другим не относится.

С этими словами я развернулась и взбежала по лестнице в свою комнату. Глаза застилали злые слезы.

Вот так всегда, стоит лишь Шайель упасть, удариться или поцарапать пальчик, как вокруг нее тут же начинает виться мать, ну прямо как волчица над своим детенышем. А я? Стоило мне в детстве заплакать, как я тут же слышала злой окрик: "Закрой рот и не реви! Считаю до трех: раз, два..." – и я замолкала, давя в себе боль и слезы, потому что знала, на счет "три" получу по губам.

Раньше я ломала голову: почему? А став постарше решила, что это из-за моей внешности. Шайель копия матери, а я... Даже не знаю, на кого я похожа.

Слишком высокая, выше некоторых эйров, волосы непонятного мышиного цвета, да еще и вьются мелким бесом, а лицо...

Захлопнув за спиной дверь своей спальни, я медленно приблизилась к зеркалу и взглянула правде в глаза: да нет, я не урод, но и особой красоты во мне тоже не найдешь. У всех женщин санхейо лицо – идеальный овал. Глаза большие, круглые, мягкий подбородок, маленький рот. У меня все не так: лицо сердечком, высокие скулы, кожа цвета светлой амбры, узкий подбородок, а глаза вытянуты к вискам. И еще, у санхейо не бывает таких ярких зеленых глаз. Либо карие, либо синие. И в их глазах светится мягкость и покорность, а в моих – мятеж. Трудно быть не такой как все.

Никто не знал, зачем даханнам наши девушки по той простой причине, что еще никто не вернулся оттуда и не рассказал. Но одно было известно точно: даханны и санхейо несовместимы. Нас с детства учили, что никакой связи между нами быть не может, причем учили сами даханны, взявшие в свои руки не только все государственные посты, но и образование. Вот и ширились домыслы, один другого страшней и таинственней. Поговаривали даже, что избранных приносят в жертву, используют в ритуалах, а то и вообще съедают живьем. Даханны в нашем понимании были чудовищами, олицетворенным злом, а бедные эйрины – жертвенными агнцами, идущими на заклание.

И вот теперь одним из этих агнцев стала моя сестра. А я даже не нашла в себе сил поддержать ее. Права была мать, я бездушная сволочь, завистливая и жестокая...

Утро ознаменовалось приходом эйры Магролис. Дайна была моей сверстницей, но в отличие от меня имела мужа и троих детей. Выглядела она как идеальная санхейо: невысокая, с округлой женственной фигурой и милыми ямочками на щеках. У нее были голубые глаза и роскошные черные волосы, которые она укладывала короной.

Я как раз хозяйничала на кухне, растапливая очаг, когда заметила движение на улице: кухонное окно выходило как раз к воротам. Я увидела, как Дайна на секунду замешкалась у ограды, а потом решительно толкнула калитку и направилась к нашему дому, неся на руках крошечную двухлетнюю дочь.

– Дайна? – я поспешила выйти ей навстречу. – Что тебя привело?

– Виель! – она будто выдохнула с облегчением и спустила малышку на землю. – Мать дома?

Я пожала плечами:

– Разве ты не знаешь? Еще на рассвете в храм отправилась и Шайель с собой потянула. А зачем она тебе?

Дайна окинула меня напряженным взглядом и, понизив голос, произнесла:

– К вам ведь тоже вчера приходили даханны?

– Ну да... прислали приказ родителям доставить Шайель в Эрливейл. А почему ты спрашиваешь?

– Рини... ее тоже забирают.

От изумления я раскрыла рот и неприлично вытаращилась на подругу.

– Да ты что! Ей же всего тринадцать! Что они с ней делать будут?

– Не знаю, – Дайна всхлипнула и как-то по-детски шмыгнула носом, – мать от горя слегла, отец не знает, за что хвататься... Рини со вчерашнего дня рыдает не переставая, Айюль и Мирах бродят как неприкаянные, а я разрываюсь между двух домов. Просто кошмар какой-то!

Я неловко обняла ее, позволяя уткнуться носом мне в плечо и всласть порыдать. Маленькая девочка разревелась за компанию с матерью и настойчиво дергала меня за подол.

– Так, – решительно оборвала я этот потоп, – идем-ка со мной. Я заварю нам чайку, и мы обо всем спокойно поговорим.

Глава 3

Пока я носилась по кухне как угорелая, готовя завтрак, Дайна заварила нам чай и сунула в руки малышке вчерашний пряник. Наконец, я закончила последние приготовления, рухнула на табурет и перевела взгляд на большие часы с маятником и кукушкой, висевшие над кухонным столом. Половина десятого. Утренняя служба заканчивается в десять, плюс дорога... что ж, у меня есть почти час для того, чтобы спокойно посидеть за чашкой чая.

– Рассказывай.

История Дайны оказалась простой и трагичной, как и сотни других в нашем поселке.

Вчера явились даханны. Они не вошли во двор и даже не спешили, только один, тот, что нес послание, подошел к воротам эйра Рувейниса и постучал. Во дворе в это время играли дети. Увидев закутанного в плащ огромного незнакомца, да еще с маской на лице, они бросились врассыпную, будто стайка мальков. На крики вышел отец.

Даханн лишь назвал его имя, причем, не спрашивая, а утверждая, а потом передал серебристый тубус с багровой печатью. Послание до вечера пылилось на полке: отец боялся его открывать, а мать, едва увидев, потеряла сознание. Но, в конце концов, пришлось это сделать, ведь всем давно было ясно: с даханнами шутки плохи.

Внутри футляра оказался свиток со стандартной формулировкой, такой же, как у нас, лишь имена были изменены. Складывалось ощущение, что эти приказы писались под копирку, но вот подпись и печать императора были настоящими.

Услышав свое имя, младшая сестра Дайны закатила истерику и даже порывалась наложить на себя руки. Старший брат вовремя поймал глупую девчонку, когда та собиралась прыгнуть с балкона в розовые кусты. Хотя, думаю зря, я бы еще и подтолкнула: погибнуть бы не погибла, но вот зад бы исцарапала. В общем, в доме эйра Рувейниса в эту ночь не спал никто, а за ужином, когда мать не смогла подняться из-за стола, послали за Дайной.

Муж Дайны – эйр Магролис – был весьма недоволен сложившимся положением. Мало того, что жена ночевала в доме родителей, так еще и целый день там пропадает, оставив собственных детей на его попечении. Нужно в лес идти, силки расставить, проверить сети в заливе, да мало ли у мужчин забот! Когда жена не явилась к завтраку, он просто привел ей детей и сказал, что идет на охоту с ночевкой.

Рассказывая об этом, Дайна вновь зарыдала, а я не могла подобрать правильных слов, чтобы ее утешить. Ну да, наши мужчины столь ценимы, что с каждым поколением все больше и больше превращаются в эгоистов. Единственный сын в семье, маленький идол для матери и сестер, он и жену такую же ищет, чтобы смотрела на него с восхищением, ловила каждое слово и ни в коем случае не перечила. А если что не так, то можно снять с жены пояс принадлежности и искать другую, более покладистую. Вон их сколько по селу ходит.

Одна проблема: каждый год к даханнам отправлялись те, что только-только входили в брачный возраст, даже не девушки – девочки-подростки. Даханны брали лишь девственниц. Замужние, разведенные и вдовы их не интересовали. Вот и приходилось нашим эйрам жениться на четырнадцатилетних: чуть замешкаешься – и твоей невесте придет серебряный тубус с багровой печатью. А подходит она – не подходит, любит – не любит, это уже дело десятое. Стерпится – слюбится, так, кажется, говорят?

– Шайель тоже вчера плакала, – я еле сдержала тоскливый вздох. Интересно, если бы в свитке стояло мое имя, мама бы тоже расстроилась? Или просто сказала бы, что такова моя судьба, как она это обычно говорит? Жаль, что отец пропал, мне его не хватает...

– Когда вы отправляетесь?

– Завтра, наверное. До Эрливейла два дня пути. Отца нет, придется бросать дом и ехать с ними. Последнее время у матери на уме одни молитвы и пожертвования. Все сбережения сносит в храм, думает, Дзуликий вернет нам отца.

Голос сорвался. Я замолчала и подняла лицо вверх, не давая скатиться не прошеным слезам. Дайна сочувственно похлопала меня по руке:

– Не переживай, все образуется.

– Я уже в этом не уверена, – пробормотала я. – Мне кажется, что это фанатизм, а не вера. Можешь себе представить, нам даже ужинать пришлось без хлеба. Она все деньги оставила в храме.

– А Шайель? Она же с матерью ходит.

Я хмыкнула.

– Шайель ребенок. Вздорный, капризный, но ребенок. С тех пор, как пропал отец, мать не спускала с нее глаз, будто боялась, что и она пропадет... А тут этот приказ. Она вчера так плакала... а я даже пожалеть ее не смогла...

Дайна обошла вокруг стола и крепко меня обняла.

– Держись.

Ее малышка, весело болтая ногами, грызла пряник и довольно улыбалась.

Я отстранилась, беря себя в руки после минутной слабости. Тайком вытерла слезы и уже спокойно спросила:

– Ты же не просто поплакаться пришла?

– Нет. Хочу, чтобы Рини вы взяли с собой. Ее сопровождать некому. Да и не на чем. Наша лошадь только вчера ожеребилась, рано ее в повозку запрягать.

– А что же отец?

– Что отец... ты же знаешь, у ткача целый день за станком. Руки болят, спину ломит, но он пока держится. Последнее время зрение стало сдавать, но он не признается. Зарисовывает схемы узоров, учит Мираха... Виель, у него заказ горит! Если за пять дней не сдаст, заказчик снимет тридцать процентов, а нам эти деньги ой как нужны...

– Я поняла.

Я нагнула голову, пряча лицо. Взять Рини с собой? Везти двух взбалмошных девчонок и бормочущую молитвы мать? Такое и врагу не пожелаешь. Сомневаюсь, что я справлюсь с ними по отдельности, не говоря о том, чтобы вместе.

Но отказать подруге тоже не могу. Отец ее – золотой человек, столько раз выручал нас деньгами, когда в межсезонье рыба уходила на нерест к берегам островов, и рыбаки день за днем возвращались с пустыми сетями. Теперь ему нужна помощь. Сопроводить в порт его дочь – самое меньшее, чем я могу отплатить за его доброту.

– Значит, эйр Магролис отказался, – задумчиво пробормотала я.

Дайна покраснела.

– Ви... Не думай о нем плохо. Просто у него сложный характер.

Я лишь головой покачала. Не хочу ссориться с подругой и доказывать ей, что ее благоверный законченный эгоист. Еще решит, что я ей завидую.

– Ладно. Проследи, чтобы Рини была готова завтра с рассветом. Мы заберем ее по дороге.

На следующее утро, едва рассвело, с нашего двора выехал легкий кабриолет – одноосная повозка со складывающейся крышей – запряженный единственной в хозяйстве лошастью. Он лет десять пылился в каретном сарае, ведь в наших местах перестали путешествовать, устраивать ярмарки и отмечать праздники. А до ближайшего города отец предпочитал добираться

на телеге, говорил, что кабриолет рыбой провоняет, если он в нем будет улов возить. Все надеялся, что удастся продать это чудо каретостроения, когда срочно понадобятся деньги.

Вчера я с самого обеда и до темноты драила его с мылом, отмывала от пыли и грязи, штопала разорванную в нескольких местах парусиновую крышу. А что мне еще оставалось? Ехать в Эрливейл в провонявшей рыбой телеге? Боюсь, я не настолько самоотверженна. Уж лучше потратить несколько часов своего труда, зато потом путешествовать с комфортом.

Мать сидела, поджав губы, и перебирала амулеты на толстой серебряной цепи, которую носила поверх платья. Шайель шмыгала носом, то и дело промокая платком покрасневшие от слез глаза. Я расположилась на козлах, решив взять на себя обязанности кучера. Управлять нашей Звездочкой было не так уж сложно, отец с детства научил меня простейшим приемам, да и умная лошадка слушалась беспрекословно.

На крыльце эйра Рувейниса уже выстроилась вся семья. Я увидела Рини – худенькую девочку-подростка с острыми чертами лица и двумя черными косичками, спускавшимися до узенькой талии. Ее старший брат Мирах хмурил брови, пытаясь за нарочито суровым обликом скрыть свой страх, а младшая сестра Айюль испуганно пряталась за его спиной. Рини рыдала, упершись лбом в плечо отца, который смотрел по сторонам так растерянно и жалко, что, казалось, сам вот-вот заплачет. Матери не было видно, похоже, ей все еще было плохо.

– Виель! Эйра Димантис! – навстречу нам с крыльца бежала Дайна. Она так обрадовалась нашему появлению, что едва сдержала неуместную улыбку. – Слава Двуликому, вы здесь!

Отдирали Рини от отца вчетвером. Она хваталась за него руками и ногами, кричала в голос и грозилась наложить на себя руки. Краем глаза я заметила, как сидящая в кабриолете Шайель вновь разрыдалась, а мать прижала ее к груди, что-то шепча на ухо.

Наконец, девочку запихнули на сиденье и закрыли дверцу. Эйр Рувейнис закинул в багажное отделение два небольших саквояжа с вещами и украдкой отер с морщинистой щеки скупую слезу. Поцеловал дочь, поклонился нам и спешно скрылся за дверями. Мне показалось, что он сбежал, но я не могла его винить, я и сама с удовольствием сбежала бы отсюда куда подальше.

Дайна с благодарностью обняла меня и коротко шепнула:

– Ви, амулет у нее в футляре, футляр в саквояже. Не потеряйте.

– Амулет?

– Цепочка, которая пришла с приказом. Я говорила вчера с Маршей Изнионис, у нее два года назад тоже сестру забрали. Так вот, этот амулет нужно надеть на левую руку, когда придете в порт. Это вроде как маячок, по которому ее найдут.

– Так может не надевать, пусть ищут?

– Не выйдет, у них же списки составлены. Вычислят, кого нет и тогда страшно подумать, что будет. Я слышала, когда-то уже пытались прятать девушек. Так эти звери вырезали село за селом, пока укрывательства не прекратились.

– Мне кажется, эти слухи преувеличены, но ты не переживай, я обо всем позабочусь.

Глава 4

Два дня мы провели в дороге, останавливаясь на постоянных дворах, чтобы поесть и отдохнуть. Вернее, это подразумевалось, но на самом деле очень сложно отдохнуть в присутствии двух истерящих девиц.

С Шайель все было просто. Она постоянно висла на шее у матери и уже вдвоем они обвиняли меня во всех смертных грехах. Каждый раз, слыша их причитания, мне хотелось выскочить из двуколки и вернуться назад в село. Но я не могла. Я оставалась единственным здравомыслящим человеком в этом дурдоме.

Что касается Рини, то девочка как-то сразу замкнулась в себе и в основном молчала. О чем она думала, я не допытывалась, но потухший взгляд и скорбно опущенные уголки рта наводили на разные размышления. Я заметила, как она смотрит на Шайель, когда та прижимается к матери или кладет голову ей на плечо. Девочке очень не хватало родного человека, который бы поддержал в трудную минуту. Я все это умом понимала, но по-прежнему не чувствовала в душе ни малейшего отклика. Как будто вокруг меня страдали не живые люди, а вымышленные персонажи, играющие роль на театральных подмостках.

Утром пятого эловеля мы наконец-то прибыли в Эрливейл. Вереница повозок у городских ворот уже никого не удивила, как и доносящиеся со всех сторон рыдания и крики. Толстый неопрятный стражник стянул с нас положенную плату, и мы на еще один шаг стали ближе к даханнам.

Здесь, в Эрливейле, они обитали практически круглогодично. Восстановили разрушенный во время войны порт, доки, прямо там строили свои корабли и спускали их на воду. Я слышала, что у нас на материке какой-то особенный лес, мол, на островах такой не растет, а везти отсюда не имеет смысла. Вот и выстроили они этакий город в городе: отгородили мощной каменной стеной часть прибрежной линии с верфями и пристанью, построили там дома с остроконечными крышами, такие же, как на островах, но в других кварталах города почти не появляются. Поговаривают, что даже у себя за стеной они ходят закутанные в плащи и не снимают масок. Что это? Попытка скрыть уродство или дань традиции?

Под невеселые раздумья я машинально оглядывала близлежащие дома, выискивая знакомую вывеску. За моей спиной всхлипывала Шайель, что-то бормотала мать и жалась в угол молчаливая Рини. Девочку требовалось подбодрить, только я не знала как, а потому предпочитала не трогать ее вообще. Впереди нашего экипажа, а так же следом за ним, катили разнообразные повозки, из которых тоже доносился приглушенный девчоночий плач.

В десять часов утра мы наконец-то нашли подходящую гостиницу, и я позволила себе вздохнуть с облегчением. Оставалось накормить девушек, привести их в порядок и проследить, чтобы они надели амулеты.

Нам достался номер с двумя спальнями. На звон колокольчика подоспела горничная, и я приказала наполнить обе ванны горячей водой. Следовало вымыть девчонок, да и самой не мешало бы избавиться от дорожной пыли.

Но стоило горничной отправиться выполнять поручение, как мать впервые за всю дорогу обратилась ко мне по имени.

– Виель...

– Да, матушка? – я развернулась и вопросительно уставилась на нее. – Вы займете одну спальню с Шайель? Не знаю, сколько мы здесь пробудем, но не думаю, что долго.

– Виель, нам нужно с тобой поговорить... наедине, – и она указала глазами на дверь, ведущую во вторую спальню.

Я оглянулась на девушек. Шайель уже не рыдала, наоборот, она с каким-то болезненным любопытством разглядывала меня. Так дети разглядывают пойманного жука, перед тем, как оторвать ему лапки. А вот притихшая Рини не отрывала взгляд от пола и нервно комкала в пальцах край своей одежды.

Я подошла к входным дверям, повернула ключ и кинула его себе в карман. Не хватало еще, чтобы эти глупышки сбежали. Гоняйся тогда за ними по всему Эрливейлу! После этого я вслед за матерью вошла в соседнюю комнату.

Она стояла у окна, повернувшись ко мне спиной, и на фоне голубого неба ее фигура выделялась темным силуэтом.

– Виель, ты должна надеть амулет вместо Шайель, – сказала мать, не отрывая взгляда от окна.

– Что?! Мама, ты шутишь? – я застыла на пороге, не веря своим ушам.

– Не называй меня так, – она медленно обернулась и глянула мне прямо в глаза, – ты мне не дочь. И нет, я не шучу.

Мои ноги подломились, и я мешком опустилась в стоявшее рядом кресло. В горле внезапно пересохло, по телу пробежал холодок, а в руках зародилась дрожь. В голове раз за разом прокручивались одни и те же слова: "ты мне не дочь", а кто же я?

– А кто же я? – растерянно повторила я вслух мучающий меня вопрос. – Кто мои родители? И почему ты говоришь мне это только сейчас?

Она оперлась спиной на подоконник и пробормотала:

– Какая теперь разница... что загадывалось, то сбылось, – потом уже громче добавила:

– Виель, ты ведь всегда замечала, что не такая, как все? Что ты другая?

Я молча кивнула.

– Ты никогда не задумывалась, почему вы с Шайель так не похожи?

– Нет, я задумывалась, почему ты меня не любишь. Но теперь все понятно. Ты мне чужая.

Она недовольно скривилась:

– Не только я тебе чужая... здесь все тебе чужие. И знаешь почему? – она выдержала эффектную паузу, не отводя от меня пристального взгляда. – Ты не санхейо. Ты – даханн. Даханни, если быть точной.

Если бы мне сейчас сказали, что я прямая наследница бывшего короля или что я свалилась с небес, я бы и то так не испугалась. Вскочив с кресла, я уставилась на эту женщину растерянным взглядом и дрожащим от слез голосом произнесла:

– Это переходит все границы! Так вот каким образом вы решили спасти свою любимую дочь от выпавшей ей участи! Отказаться от другой дочери и обречь на смерть весь поселок! Вы знаете, что даханни вырежут всех жителей, когда узнают о подмене?!

Она махнула рукой, приказывая мне замолчать. Я по привычке подчинилась и рухнула назад в кресло.

– Ничего этого не будет, – жестко произнесла она. – Я знаю, что говорю. Поверь, даханни никого не убьют, наоборот, я очень надеюсь получить вознаграждение в виде моей девочки. Сейчас я скажу тебе кое-что... это касается моей семьи и тебя лично. Хочу, чтобы ты выслушала меня очень внимательно.

Она нервно теребила пальцами ворот своего платья, как будто он ей мешал дышать, а я боялась даже моргнуть, чтобы – не дай Дзуликий! – не пропустить ничего из того, что она скажет.

– Мой прадед служил капитаном королевского флота и участвовал в этой Войне. Долгое время он вел дневник, используя собственный шифр. Когда его казнили вместе с командой, захватчики благородно отправили их личные вещи семьям. Мой отец несколько лет подбирал

ключ к этому шифру, но, в конце концов, расшифровал часть записей. Они и сейчас хранятся в надежном месте. В основном прадед описывал морские сражения и свою частную жизнь, но было там и еще кое-что. То, что даханни тщательно скрывают.

– Что же это? – еле слышно шепнула я, не в силах отвести взгляд от ее побледневшего лица.

– Причина Войны. Настоящая, а не та, которую нам рассказывают. Почему началась Война, что ты об этом знаешь?

– Даханни напали, потому что хотели отнять у нас залив Рассиолы, – неуверенно произнесла я.

Она расхохоталась, и от этого смеха у меня мурашки побежали по спине.

– Наш король всегда умел повернуть события себе на пользу, – сказала она, будто плюнула. – Пусть покарает меня Двуликий, но я не буду больше молчать. Из-за игр этих аристократов всегда страдает простой народ.

Она замолчала, пронизывая меня пристальным взглядом, а потом, уже спокойно, произнесла:

– Причина Войны в женщине. Даханни. У них какой-то особый дар сводить с ума наших мужчин. Именно поэтому они никогда не сходили на берег в наших портах. Но брат короля возжелал невесту императора. В то время между Эроллой и империей Тысячи Островов сложились чуть натянутые отношения. Брат короля пребывал в гостях у императора с посольской миссией. Им было запрещено покидать свои покои, но он не утерпел и тайком пробрался в то крыло дворца, где жили женщины. Там и познакомился с этой даханни. Мой прадед писал, что девушка была так хороша, что от одного взгляда на нее захватывало дух. Вот Его Светлость и не устоял. Выкрал даханни и под покровом ночи попытался вывезти на своем корабле. Император снарядил погоню, посольский корабль зажали между двух островов, там, где были опасные рифы. Когда брат короля понял, что проиграл, он перерезал горло даханни, а сам застрелился. Это был поступок сумасшедшего, доведенного до отчаяния. Император приказал повесить всех, кто был на этом корабле, включая супругу капитана, которая путешествовала вместе с мужем. И в тот же день объявил нам войну.

Я сидела ни жива, ни мертва. Вот так легко и просто эта женщина рассказала о том, что стало началом жестокой и кровопролитной войны, затянувшейся на десятилетия. Войны, которая продолжается до сих пор.

– Это невероятно! – выдохнула я. – Но зачем им наши девочки? Разве им своих мало?

– Не отождествляй себя с нами, – бросила она в мою сторону, – ты чужачка и никогда не будешь одной из нас. Я знаю лишь, что во время войны на островах пошел какой-то мор. Часть даханни умерла, часть стала бесплодной. Подозреваю, потому-то они и берут наших девочек. Но ты...

Она подошла ко мне, нагнулась, взглядываясь в мое лицо, и с ненавистью выплюнула:

– Ты даханни. И если то, что писал мой прадед, правда – в тебе таится такая же способность сводить с ума. Я не знаю, почему она еще не проявилась, и не хочу знать. Но я решила обезопасить себя и свою единственную дочь от твоего тлетворного влияния. Я прокляла тот день, когда отец нашел тебя во время весенних бурь. Тогда в море очень беспокойно, но волны поднимают со дна глубоководных рыб, за которых можно выручить хорошие деньги. А он вместо рыбы притащил тебя... Тогда я очень страдала. Ведь у меня только-только умер мой сынок, мой Ройс, и еще два раза даханни позаботились о том, чтобы я не могла родить... Знаешь, как они это делают? Вплетают в ауру женщины пару простейших рун, а те тщательно следят за тем, кого ты носишь, и избавляют от нежеланного плода почти сразу после зачатия... Просто однажды утром идешь по нужде... и видишь кровь... а это твой сыночек... которому даже родиться не дали, потому что даханни уже все решили и за него, и за тебя... – она застыла на месте, рванула ворот, будто он ее душил и уже спокойнее продолжала, – он им не нужен.

Но мне мои мальчики были очень нужны! А мой единственный родившийся сын в шесть лет заболел лихорадкой и умер... Я осталась один на один со своим горем и тут появилась ты! Сначала, я хотела выбросить тебя на улицу, до того ты была мне противна. Я все ждала, когда же появится та хваленая неземная красота, о которой все говорят... а потом подумала, что однажды у меня родится дочь, и ее захотят забрать на Острова... но что если я предложу им тебя? Разве такой подарок не будет для них ценнее?

В это время за дверями что-то грохнуло, раздался слабый вскрик и удар. Я вскочила, поворачиваясь спиной к матери, вернее, к той женщине, которую считала своей матерью, и в этот момент что-то тяжелое резко опустилось на мой затылок.

Глава 5

Меня разбудил звон в ушах. Высокий такой, противный, будто комар пищит.

Я открыла глаза и уставилась в потолок, медленно приходя в себя. Откуда-то издалека доносились чужие голоса, затылок пульсировал тупой болью. Я машинально подняла руку и прикоснулась к больному месту. Мокро. Поднесла руку к глазам и резко села. Мои пальцы были в крови.

События последних дней ясно вспыхнули в моей памяти, вырывая из груди мучительный стон. О, Дзуликий! Что же здесь произошло?!

Я испуганно огляделась. Так, это тот самый гостиничный номер, уже хорошо. Я лежу на кровати, одетая... а это что такое?

Я подняла левую руку и с трудом сдержала крик: на моём запястье плотно сидела та самая цепочка с кулоном-капелькой, только теперь он был не прозрачным, а светился серебристым светом. Я попробовала снять неожиданное украшение, но оно словно приросло к моей коже! Как же так, ведь я хорошо помню, цепочка была слишком широкой, чтобы носить ее как браслет!

Из соседней комнаты раздался вскрик, а за ним протяжный стон. Рини! Я попыталась вскочить с кровати, но внезапное головокружение едва не швырнуло меня на пол. Так, осторожно, по стеночке...

Делая шаг за шагом, и держась руками за стену, я доползла до дверей и почти ввалилась в соседнюю комнату. Там на кровати лежала сестра Дайны, но в каком виде!

Какие-то изверги спеленали девочку по рукам и ногам, всунули тряпку ей в рот и завязали так, что она не могла ни говорить, ни выплюнуть ее.

– О, Дзуликий, – я кинулась к ней на помощь, – кто посмел сделать это?

Заметив меня, девочка затряслась и попробовала отползти. В ее глазах я увидела настоящий ужас.

– Рини, милая, не бойся. Это я, Виель, – я старалась говорить медленно и тихо, чтобы не пугать бедняжку ещё больше. Кто бы это с ней не сделал, он, по всей видимости, не причинил ей физического вреда, разве что сильно напугал.

Не обращая внимания на боль в разбитом затылке и подступающую тошноту, я развязала веревки, которыми была связана Рини. Это оказалась разорванная на полосы и скрученная простыня.

– Милая, успокойся, я не сделаю тебе ничего плохого, – заверила я девочку, которая испуганно забилась в угол кровати. – Я подруга Дайны, Виель, ты же помнишь меня?

Она осторожно кивнула, не сводя с моего лица напряженного взгляда, и вдруг тихо произнесла:

– Шайель... это сделала Шайель. Она ударила меня чем-то, а потом связала.

У меня подкосились ноги, и я рухнула прямо на пол рядом с кроватью. Эта информация не желала укладываться в голове.

– Шайель? – недоверчиво прошептала я, пытаясь сбросить навязчивое жужжание. – Но почему?

– Они с эйрой Димантис сказали, что ты поедешь на Острова вместо Шайель... Сказали, что твоё место там... а меня связали, чтоб я не сбежала и не доставила лишних хлопот...

Я застонала, сжав руками виски. Что же это получается?! Женщина, которую я столько лет считала своей матерью, разбила мне голову, бросила истекать кровью и сбежала, предвзвительно одев на меня даханнский "маячок". Ах да, она сказала, что я тоже даханн, точнее даханни. Какой бред!

Даже если и так, что это меняет? Ничего. Здесь у меня была семья: строгая мать, вредная младшая сестренка и любящий отец. А что меня ждёт там, на Островах? Кто поверит, что я даханни? Как я это докажу? А за подмену избранной меня просто казнят, даже имя не спросят! Что делать?!

Мой взгляд лихорадочно заметался по комнате, ища пути к отступлению.

– Рини, – тихо позвала я, – где твой амулет?

Девочка молча подняла руку. Капелька, свисающая с ее запястья, светилась ровным молочно-белым перламутром.

– Шросс! – выругалась я, вспомнив любимое словечко отца. Он всегда упоминал это противное бородавчатое земноводное, когда бьющие фонтаном эмоции срочно требовали выхода. – Теперь тебе одна дорога, к даханнам.

– А ты? У тебя ведь тоже браслет, – она кивнула на мое левое запястье.

– Мне нельзя. Эйра Димантис подставила меня, но ей это не пойдёт на пользу. Сначала даханни казнят меня за подмену, а потом придут за ней.

– Эйра Димантис? Ты так называешь свою мать? – изумилась девочка.

– Она мне не мать, – отрезала я, зло сверкнув глазами. – Взгляни на меня. Какая мать сделает такое со своим ребёнком?!

Я повернула голову, давая возможность разглядеть мокрые от крови волосы на затылке. Жёсткие кудри слиплись в один комок, а по шее медленно стекала тонкая красная струйка. Рини громко сглотнула.

– И что же ты теперь будешь делать? – почти шепотом спросила она.

– Я пока не решила. В приказе было сказано прибыть в Эрливейл и надеть амулет. Мы это сделали. Теперь, видимо, даханни сами должны найти нас...

Будто в подтверждение моих слов, совсем рядом, под окнами, раздались громкие мужские голоса, разговаривавшие на неизвестном языке. Я подтянулась к подоконнику, осторожно выглядывая наружу, но тут же отпрянула вглубь комнаты. Внизу, почти под самой стеной дома, стояли четыре даханна в своих тёмных плащах и разглядывали какую-то штуку, которую держал один из них.

– Что там? – шепнула Рини.

– Даханни.

Она судорожно всхлипнула, сжавшись в комочек, но тут же обреченно расслабилась. Наверняка, это пришли за нами. "Маячки" сработали, едва их на нас надели, а сколько времени я провалялась без сознания – одному Двуликому известно. Сейчас эти странные, пугающие незнакомцы войдут сюда и поймут, что одна из нас не та, кто должна быть. Что делать?!

Я затравленно огляделась по сторонам. Выход отсюда только один. Можно ещё попробовать сбежать через окно второй комнаты, кажется, оно выходит на другую сторону. Но я не могу бросить Рини! У меня просто совесть не позволит оставить девочку один на один с таким испытанием. Но и попадаться даханнам я тоже не хочу, будь они хоть трижды мои соотечественники. Лучше всего бежать прямо сейчас. Но куда?

Я быстренько прокрутила в голове несколько вариантов. Ничего утешительного. Если я возьму Рини с собой, даханни придут к ней в дом и кто знает, чем это закончится. К тому же у меня нет ни денег, ни вещей, ведь я не рассчитывала на долгое путешествие. Маленький саквояжик с моими вещами, сиротливо стоявший у кровати, вряд ли меня спасёт. Ведь в нем нет ничего ценного, кроме пары платяев и смены белья.

Получается, что выбора у меня нет. Либо волку в пасть, либо в бега. И оба варианта без надежды на будущее. Но ради Рини...

Я отбросила последние сомнения и встала. В эту минуту в двери нашей комнаты постучали. Громко и решительно. Так стучат те, которым всегда и везде открывают.

Мы с Рини затравленно переглянулись. Я замерла, затаив дыхание, а она начала медленно сползать с кровати. Я остановила ее движением руки и поднялась сама. Делать вид, что нас здесь нет, по меньшей мере, глупо.

– Эйрина Шайель Димантис? – больше утверждая, чем спрашивая, произнёс огромный даханн, едва я открыла двери.

Его чёрные глаза пронизывали меня насквозь таким взглядом, что захотелось немедленно бежать без оглядки, а за его спиной стояли еще двое, закутанные в плащи, точно статуи из черного мрамора.

– Нет... то есть да... то есть...

Я запуталась, беспомощно бляя, как глупая овца и, едва не плача, оглянулась на Рини, которая застыла на кровати, словно соляной столб.

– Так да или нет?

Даханн сунул за пазуху странный предмет в виде тонкой пластинки, размером с ладонь, на которой я успела заметить несколько светящихся точек, и бесцеремонно схватил меня за левую руку, выворачивая запястье.

– Я не Шайель... я ее сестра Виель Димантис... – покаянно ответила я.

– Очень интересно, – процедил даханн сквозь зубы.

Он несколько секунд вглядывался в серебристую капельку, затем тронул ее затянутым в перчатку пальцем, будто хотел убедиться, что эта маленькая алмазная капля действительно существует, а потом перевёл задумчивый взгляд на моё лицо.

– Ви-ель Ди-ман-тис, – произнёс он по слогам так медленно, будто пробовал моё имя на вкус. – Как вы оказались на месте вашей сестры?

Я замешкалась, не зная, что сказать.

– Молчите, я сам узнаю.

Расширенными от страха глазами я следила, как он снял перчатку и осторожно прикоснулся к моей щеке самыми кончиками пальцев. И опять, как и в прошлый раз, по моему телу будто молния пробежала, заставив вздрогнуть и отступить на шаг.

– Очень интересно, – уже второй раз повторил даханн, вернул перчатку на место и наконец-то заметил, что мои волосы покрыты коркой засохшей крови.

– Кто это с вами сделал? Вероятно, ваши сбежавшие родственницы? – нахмурившись, спросил он.

– Разве вы не прочитали это в моей памяти? – изумилась я.

– Мы не роемся в воспоминаниях без уважительной причины, назидательным тоном ответил мужчина. – К тому же, при таком кратковременном контакте, я всего лишь убедился, что вы та, за кого себя выдаете. Если бы я попробовал прочесть вас глубже, ваш разум мог бы сильно пострадать. И вы не ответили на мой вопрос.

Я опустила взгляд, изучая носки собственных ботинок.

– Вы угадали, – шепнула на грани слышимости.

Неимоверный стыд залил румянцем мои щеки. Я такое никчемное существо, что меня двадцать пять лет кормили только для того, чтобы было кем заменить родную дочь.

За моей спиной раздался шорох. Даханн оторвал взгляд от моего лица и наконец-то заметил, что мы здесь не одни:

– А вы эйрина Рувейнис? Ринивей Рувейнис?

Девочка молча кивнула, громко сглотнув от страха.

– Ну что здесь, все на месте? – раздался за спиной мужчины незнакомый голос.

Даханн обречено вздохнул.

– Подмена. Но какая, – многозначительно протянул он, не сводя с меня взгляда.

В комнату вошёл ещё один закутанный в плащ незнакомец. Все та же маска на лице, все те же перчатки. И черный платок, прячущий под собой все волосы до малейшей прядки. Даже не мужчина, а какое-то безликое существо с мужским голосом.

– Взгляните сами, мой дазган.

Я напряглась, услышав незнакомое слово. Дазган это кто? Какая-то важная шишка? Может какой-нибудь аристократ или офицер, а я не знаю, как правильно его поприветствовать...

Первый даханн отступил, позволяя новоприбывшему полностью разглядеть меня. Пристальный взгляд из прорезей маски замер на запястье с ярко светящимся амулетом. Повторился ритуал со снятием перчатки и прикосновением к моему лицу. И опять меня пронзила маленькая молния.

– Удивительно! – прошептал незнакомец с таким восхищением, словно воочию узрел одну из реликвий Двуликого. – Эта эйрина стоит тысячи глупых санхейо. Ты боишься нас? – он буквально впился в меня взглядом.

Я неловко кивнула, не понимая, к чему такой ажиотаж вокруг моей скромной персоны.

– Я вижу, вы пострадали, – он вновь перешел на сухой официальный тон. Я почувствовала его тяжелый взгляд, ощупывающий мою голову.

– Ничего страшного, – я солгала, даже не поморщившись. Незачем им всем знать о моих страданиях. – Просто немного крови.

После моих легкомысленных слов в воздухе что-то изменилось, я всем телом ощутила странное напряжение, как перед бурей, которая вот-вот разразится.

– Немного крови? – произнес мой собеседник, медленно растягивая слова.

Его пальцы в перчатках сжались в кулак с такой силой, что раздался хруст. Я позорно зажмурилась, ожидая удара. "Эйра Димантис могла бы гордиться своей дрессировкой", – мелькнуло в моей голове.

Дазган пробормотал что-то на незнакомом языке, отрывистое и резкое, похожее на ругательство. Затем осторожно коснулся моей щеки и уже более ласково произнес:

– Не стоит бояться меня, эйрина. У меня и в мыслях не было причинить вам вред. Но то, что сделали с вами... – мужчина замолчал, и мне показалось, что он едва сдерживается от резких слов. – Позвольте мне вам помочь.

Я коротко кивнула.

Он что-то быстро сказал остальным даханнам, и мне тут же предоставили стул. Не зная, чего ожидать я присела на самый краешек и напряженно огляделась. Один из даханнов стоял у входной двери, другой делал вид, что любитесь видом из окна, а третий, тот, что читал меня, лениво разглядывал Рини. Девочка прислонилась к стене рядом с изголовьем кровати и наверняка мечтала сейчас раствориться в тени.

Между тем я почувствовала пальцы дазгана у себя в волосах. Он так и не снял перчатки, но меня поразила та деликатность и осторожность, с которой он осматривал мой многострадальный затылок.

– К несчастью, целитель остался на корабле, – с сожалением произнес мужчина. – Но, по крайней мере, я убедился, что вы не слишком пострадали. Это всего лишь ссадина, кость не повреждена.

Я облегченно выдохнула, только теперь обнаружив, как была напряжена все это время.

– Думаю, вам не помешает привести себя в порядок, – продолжал дазган, – не стоит пугать мирных обывателей. Вас ждут.

Краем глаза я ухватила движение за своей спиной. Это Рини медленно двигалась в мою сторону, а в конце совершила резкий рывок и схватила меня за руку.

– Эта эйрина тоже избранная? – мой собеседник подбородком указал в сторону девочки, не отрывая от меня взгляда.

Я опять кивнула.

– Вы давно знакомы?

– Четырнадцать лет, – прошептала я еле слышно.

Он еще раз внимательно осмотрел меня с ног до головы, уделив особое внимание вцепившейся в мою руку Рини, и произнес, обращаясь к первому даханну:

– Этих на мой корабль. И проследи, чтоб они ни в чем не нуждались.

Он вышел, оставив нас под присмотром своих людей.

Я поднялась, слегка пошатываясь и опираясь на тонкую руку девочки. Что ж, дазган прав, не стоит пугать местных жителей, им и так на сегодня впечатлений хоть отбавляй. Кажется, горничная должна была приготовить ванну...

Глава 6

На улицу нас вывели под строгим конвоем, даже личные вещи не дали взять, сказали, что они нам больше не понадобятся. Эта фраза заставила меня задуматься над перспективой дальнейшего существования. Я крепко держала за руку жавшуюся ко мне Рини, а со всех сторон нас плотным кольцом обступили даханны. Было непонятно, то ли они пытаются защитить нас от угрозы извне, то ли – воспрепятствовать побегу.

В холле гостиницы я заметила еще трех девушек в сопровождении родственников. Они спокойно проходили проверку у того незнакомца, которого назвали дазганом. Девушки выглядели лет на семнадцать-двадцать, и это было невероятно. Как они умудрились в таком возрасте остаться девственными и ничуть не беспокоились о том, что будет дальше?! Даханн что-то спрашивал у них, сверяясь со своей странной пластиной, которую держал в ладони, а потом жестом пригласил девушек пройти в дилижанс, ожидавший у крыльца.

Девушки весело щебетали, не обнаруживая ни малейшего беспокойства, на лицах родителей цвело вполне умиротворенное выражение, словно это не они отправляли сейчас своих дочерей неизвестно куда. Что это? Гипноз? Жаль, что я не могу подойти и спросить, почему они так безмятежны.

Дазган развернулся, будто почувствовав на себе мой взгляд. Чуть кивнул сопровождающим, и конвой начал отгеснять нас в сторону. Я забеспокоилась. Похоже, что мы с Рини не едем в дилижансе?

Мы покинули гостиничный двор, пройдя через кованые ворота, и почти сразу за ними я увидела закрытый со всех сторон экипаж с гербом империи на дверце. Сидевший на козлах кучер, закутанный в темный плащ, привстал при нашем появлении, всей своей позой выражая недоумение.

Перед нами учтиво распахнули дверцу кареты и откинули ступеньку, приглашая садиться. Я тоскливо вздохнула, в последний раз обводя взглядом привычный пейзаж. Всего полчаса пути – и мы будем в порту. Что нас ждет дальше? Смогу ли я выжить среди тех, кого с детства училась ненавидеть, кого боюсь до дрожи в коленях, до головокружения, до подступающей к горлу тошноты? Зачем я им? Что они увидели во мне такого, что не убили сразу и даже не посадили в дилижанс с остальными девушками? Неужели узнали во мне одну из своих? Почему тогда не сказали сразу? Столько вопросов и ни одного ответа!

Но больше собственной судьбы меня волновало другое: как долго нам с Рини будет позволено оставаться вместе?

Даханны удалились, закрыв нас в карете и оставив в полном одиночестве, если не считать кучера, чью неподвижную спину я лицезрела через маленькое окошко в передней стенке.

Рини прижалась ко мне, точно маленький котенок, ища заботы и ласки. Я машинально потрепала ее по голове и вздохнула. Ожидание было невыносимым, лучше бы не мучали и прямо сказали, что от нас нужно. А так сиди, воображай и бойся собственной тени...

– Интересно, почему нас оставили здесь, а не с другими девушками, – задумчиво произнесла девочка. – Ты заметила, какие они счастливые?

– Да и это меня настораживает. Странно как-то.

– Почему твоя мама так поступила с нами? – Рини подняла на меня свои огромные глазницы, в которых будто застыли два горных озера с дрожащей водой.

– Она мне не мать, – глухо пробормотала я, отводя взгляд.

– Что?!

– Она сама так сказала. Сказала, что отец нашел меня в море и принес домой, как безродного щенка, которого кто-то выкинул на помойку, а он из жалости подобрал.

– Не говори так, – умоляюще произнесла девочка и взяла меня за руку. – Все же ты жила с ними столько лет.

Я горько рассмеялась. Да, жила и всю жизнь переживала, что я делаю не так? Думала, что это из-за моей внешности, из-за того, что я недостаточно красива и моя мать стесняется меня, как стесняются калеки или уроды. А все оказалось намного проще.

Я никогда не смогла бы завоевать ее любовь, потому что она ненавидела сам факт моего существования. Она взрастила меня в ненависти и страхе к даханнам, а потом кинула к ним в пасть, не забыв сообщить, что я одна из них. Та, что всю жизнь была для меня самым близким существом, внезапно показала, что на самом деле всего лишь использовала меня в своих целях. И это ее откровение, зачем оно? Смутить меня еще больше? Невозможно выдержать все это и не сойти с ума.

Но это вовсе не те сведения, которыми стоит делиться с четырнадцатилетним подростком. Поэтому я постаралась взять себя в руки и придать лицу беззаботное выражение.

– Ты ведь тоже заметила, что те девушки выглядели очень довольными? – легкомысленно поинтересовалась я.

И именно в этот момент мимо кареты прокатился тот самый дилижанс, запряженный четверкой гнедых лошадей. Мы проводили его взглядами. Но едва он отъехал, как мой взор столкнулся с пристальным взглядом дазгана, наблюдавшим за мной с другой стороны улицы. Его глаза буквально буравили меня из прорезей маски. Поблуднев, я откинулась на сиденье и задернула штору.

Через минуту дверца экипажа распахнулась, и на соседнее сиденье опустился тот самый наглец. Рини прижалась щекой к моей груди, а я тут же зарылась носом в ее макушку. Меньше всего я желала остаться в замкнутом пространстве кареты с этим мужчиной и терпеть его присутствие. Вроде бы он ничем не отличался от своих молчаливых и затянутых в черное соотечественников, но если они были всего лишь неприятны, то этот действительно пугал. От него исходило ощущение огромной силы и власти, и было такое ощущение, что он не тот, за кого себя выдает.

Он поднял согнутую в локте руку и пару раз стукнул в окошко позади себя. Карета дрогнула и медленно покатила, стуча колесами по булыжной мостовой.

– Итак, – произнес дазган насмешливым тоном, – прекрасные эйрины не желают развлечься в дороге приятной беседой?

– Сомневаюсь, что наша беседа может быть приятной, – хмуро бросила я.

– Ну почему же, – он вальяжно откинулся на спинку сиденья и снял перчатки.

Я только сейчас заметила, какая у него бледная кожа, вернее, не бледная, а белая, будто первый снег. И светится!

Я сморгнула, но сияние никуда не делось. Обнаженные кисти даханна действительно излучали едва заметное мягкое свечение, окружавшее белую кожу серебристым ореолом.

– Вы удивлены? – мне показалось, что он удовлетворен моей реакцией. – Скажите, Виель, что вы видите? Какого цвета моя кожа?

Он развернул ко мне ладони, давая их рассмотреть. Я не могла оторвать глаз от этих сияющих рук, а потому не сразу сообразила, что он обращается ко мне.

– Что? Извините, я задумалась... Ваша кожа очень белая и светится... Это обман зрения?

– Во все нет. Это особенность нашей расы. Расскажите, что вам известно о нас?

– Я практически ничего не знаю. Вернее, в школе преподают анатомию рас и историю их взаимодействия, но ведь последние сто пятьдесят лет учебники выходят под вашей строгой цензурой. Вряд ли вы не знаете, что в них пишут.

– Меня не интересуют официальные легенды. Расскажите, что о нас думают в вашем родном городе. Где вы жили?

– В Ахартоне, это маленькое село под Эрливейлом, всего в паре дней пути. Не думаю, что вам интересно слушать сельские сплетни.

– Ну, уж не скажите, – он хмыкнул, подаваясь вперед, а я, как завороженная, вновь уставилась на его руки. – Вам не стоит так пристально смотреть. Сияние даханна это его слабость и его оружие. Одних пугает, других притягивает. Похоже, что ваша подруга относится к первому типу, как и все санхейо, а вот вы...

Он вдруг оказался так близко, что я ощутила на своей щеке его дыхание и постыдно зажмурилась. А потому уже не видела, как он поднял руку и несколько секунд держал ее в опасной близости от моего лица, а потом опустил и, тихо выдохнув, вернулся на свое место.

– Можете открывать глаза, трусишка, – бросил он, натягивая перчатки. – И приведите в чувство свою подругу.

Я глянула на Рини. Девочка сжалась в комок, стараясь быть как можно незаметнее, и едва дышала от страха.

– Рини? – забеспокоилась я. – Что с тобой?

Даханн стукнул в окошко. Карета остановилась, и наш попутчик распахнул дверцу, собираясь нас покинуть. Он оглянулся, замешкавшись на ступеньке, и мне показалось, что в его взгляде мелькнуло сожаление.

– Он такой страшный, – прошептала девочка чуть слышно, когда экипаж вновь тронулся с места. – Ты видела, какие черные у него руки?

Черные? Я не ослышалась?

– Они черные, как у демона... и такие острые когти...

– Да нет же, – поправила я ее, – у него кожа белее снега и светится.

За окном кареты появилась гигантская стена, сложенная из грубо обтесанных камней. Дорога повернула и стена исчезла из видимости, потому что теперь мы ехали прямо на нее, но широкая спина кучера ничего не давала рассмотреть через переднее окошко. Огромные тяжелые ворота были распахнуты настежь, решетка из прутьев толщиной с мою руку – поднята, а на въезде в порт нас встречала длинная очередь дилижансов, в которых, по всей видимости, томились такие же жертвы даханнов, как и мы.

Наш экипаж замедлил ход и мягко остановился, пристраиваясь в хвост очереди. Рини отлипла от меня и повернулась к окну с другой стороны.

– Смотри, Виель, там девушки прямо на улице!

Я оглянулась. И в самом деле, рядом с дилижансами стайками толпились избранные. Это были девушки из разных концов королевства, это явственно читалось в их манере одеваться, а еще они по-разному вели себя. Одни беззаботно болтали и даже смеялись, стреляя глазками в молчаливых даханнов, стоящих на страже ворот. Другие дичились, хмуро жались к своим экипажам и выглядели не слишком общительными. Такая яркая противоположность их поведения заинтриговала меня. Почему одни не показывают ни малейших признаков беспокойства, тогда как другие буквально трясутся от страха?

Неожиданно, мне показалось, что я заметила знакомое лицо в пестрой толпе рядом с одним из дилижансов.

– Рини, а ну взгляни. Это глаза меня обманывают или там действительно Айра Куралтис? Девочка глянула в указанном направлении.

– Вроде она... такая довольная...

– Знать бы еще почему, – пробормотала я. – Подожди, сейчас попробую разузнать.

Я подергала дверцы – закрыто. Постучала в переднее окошко. Темная спина пошевелилась и за стеклом показалась непроницаемая маска.

– Я хочу выйти! – сообщила я с нажимом.

Кучер коротко кивнул и в карете раздался еле слышный щелчок. Облокотившаяся на дверцу Рини едва не выпала наружу, когда та неожиданно распахнулась.

– Ого! – издала она возглас удивления и с детской непосредственностью выскочила на мостовую.

Я последовала за ней.

– Эйрина, – тут же раздался над моей головой мужской голос, – если вы желаете освежиться, я буду рад стать вашим провожатым.

Я узнала дазгана. Интересно, он ехал в другой карете или верхом? Его фраза об "освежиться" заставила меня смущенно порозоветь. Не представляю, как бы он проводил меня в уборную. Кошмар какой!

– Я могу отойти от кареты? – поинтересовалась я, стараясь смотреть куда угодно, только не в глаза этому пугающему мужчине.

– Причина?

Мне показалось, что он нахмурился, хотя под маской не было видно ни малейшего проявления эмоций.

– Я заметила здесь свою знакомую и хотела бы пообщаться с ней, пока мы стоим. Кстати, а почему такая задержка?

– Есть необходимость некоторых действий. Не переживайте, узнаете, когда до вас дойдет очередь. Идите к знакомой, только не забудьте вернуться в свою карету.

Я не стала ждать, пока он передумает и вместе с Рини направилась туда, откуда доносился веселый смех Айры.

Она не была мне такой близкой подругой, как Дайна, но жила поблизости и мы частенько сталкивались у колодца или в лавке эйра Сумахиса. Изящная, стройная, с приятными округлостями и плавными мягкими движениями – настоящая санхейо. Ей недавно исполнилось шестнадцать, могла выйти замуж, ведь пару раз навевывались сваты из соседних сел, но не захотела. Причину ее отказа я так и не смогла понять, ведь это был лучший способ защитить себя от участи стать избранной. Она была очень хороша: черные густые волосы, идеальный овал лица и огромные блестящие глаза цвета гречишного меда. Хотя, что это я, все санхейо были писаными красавицами и оставались такими до самой старости, разве что с возрастом больше округлялись.

Я осторожно приблизилась к незнакомкам, рядом с которыми весело хохотала Айра, и позвала ее по имени. Смех резко оборвался.

Обернувшись, девушка уперла в меня изумленный взгляд, а потом ее лицо расплылось в приветственной улыбке:

– Виель! Что ты здесь делаешь? Рини? – она недоуменно перевела взгляд на девочку. – А где Шайель?

– Я вместо нее, – я криво усмехнулась, – а ты как?

– Эйрины, это моя хорошая знакомая эйрина Виель Димантис, – представила меня Айра своим подругам, – мы отойдем, немного поболтаем.

Те неопределенно пожали плечами, продолжая прерванный разговор.

– Где твой экипаж? – поинтересовалась девушка, когда мы отошли в сторону.

Я указала на посольскую карету. Тонкие брови Айры изумленно взлетели вверх.

– Карета посла?

– Сама удивилась.

– Но ведь должны были забрать Шайель, так ведь? Твоя мать сама говорила в храме, на чье имя пришел приказ.

– Как видишь, моей сестры здесь нет, – я не хотела рассказывать Айре о том, что со мной случилось, но уж очень хотелось знать причину ее хорошего настроения. – Послушай, а почему некоторые девушки такие довольные, а другие напуганы?

– Да ерунда, не обращай внимания, – она досадливо поморщилась, – наслушаются разных сказок про даханнов, а потом трясутся как овечий хвост.

– Сказок? – недоверчиво переспросила я.

– Ну да. Вот ты знаешь, зачем мы им? Куда нас везут и что с нами будет?

– На Острова? – неуверенно промямлила я и поняла, что ничегошеньки не знаю. Кроме того, что девушек раз в году куда-то увозят и никогда не возвращают обратно. В учебниках об этом не писали, а дома у нас эта тема никогда не поднималась. Я же лично не была знакома ни с кем, кто захотел бы поделиться информацией. А вот у Айры... – У тебя же кто-то был избран пару лет назад?

– Да, сестра. Сейчас она шейнаб одного дазгана.

– Кто? Кого?

Айра демонстративно закатила глаза.

– Шейнаб – мать его сыновей, а дазган сотник по-нашему. У них такие названия, что пока язык не выучишь, половину не поймешь.

– Твоя сестра наложница даханна? – изумилась я. – И ты так спокойна?

– Не наложница, – она кинула в мою сторону строгий взгляд, – А шейнаб. Живет в его доме и носит его имя и приходится матерью его наследника.

– Откуда ты знаешь?

– Сестра кое-что писала.

Увидев мой ошарашенный вид, Айра добавила:

– Все шейнаб передают восточку родным раз в год, когда корабли отправляются за новыми эйринами. Правда, многое рассказывать не позволяют, так только: все хорошо, жива – здорова. Ну и про детей, если есть.

– Про детей? – сглотнула я.

– Ну да, а для чего мы даханнам? Пряники печь? – она невесело усмехнулась. – У них ведь женщины давно бесплодны. Говорят, это санхейо виноваты. А от нас только мальчики рождаются. Вот они и забирают нас как бы в отместку. И мужчин наших вырезали по той же причине.

Она тяжело вздохнула, уставившись вдаль отрешенным взглядом. Потом резко тряхнула головой, словно отгоняя тяжелые мысли.

– Вот некоторые и злятся. Мало кто хочет стать шейнаб и рожать новых даханнов. Но для других это единственный выход не остаться старой девой.

И она взглянула на меня с такой мольбой, будто ожидала, что я накинусь на нее с обвинениями. Но я молчала. Мне нечего было ей сказать.

– Виель, нас зовут, – еле слышно прошептала Рини и подергала меня за рукав. Я совсем забыла, что она стоит рядом и тоже все слышит.

Оглянулась. У посольской кареты стоял дазган и не спускал с нас пристального взгляда. Теперь я знала, что это военный чин, командир сотни. Кажется, слишком просто для того, кто обладает такой пугающей силой. Я отвела глаза, пряча взгляд, и скомкано попрощалась с Айрой.

Через несколько шагов я оглянулась. Давняя знакомая присоединилась к своим товаркам и вновь одела на лицо улыбку. Только теперь ее смех казался насквозь фальшивым, а улыбка напускной. Вот еще один повод задуматься.

Глава 7

– Прошу, эйрины, – дазган учтиво распахнул дверцу кареты и сам забрался внутрь следом за нами. – Сейчас тронемся.

Он обвел нас непроницаемым взглядом и добавил:

– Все же у некоторых должностей есть свои привилегии.

И в самом деле, кучер цокнул на лошадей и те неспешным шагом покатали вперед наш экипаж. Похоже, что пока я общалась с Айрой, стоявшие впереди дилижансы прижались к обочине, так что теперь наша карета беспрепятственно въехала в гигантскую арку ворот.

За каменной стеной словно начинался другой, неведомый мир. Даже воздух здесь пах иначе. За окном кареты промелькнула облицованная мрамором набережная, вдоль которой я заметила статуи крылатых львов, будто застывших в напряженной позе перед броском. Их головы были повернуты в сторону ворот, а в незрячих глазах словно застыло немое предупреждение.

– Какие красивые! – выдохнула Рини.

– Вам нравится? – как-то чересчур живо откликнулся мужчина на ее детское восклицание.

Девочка покраснела. Теперь все внимание дазгана было направлено на нее и мне это совсем не понравилось.

– Скажите, – бесцеремонно влезла я, – все эти эйрины станут женами ваших соотечественников?

Мне показалось или он досадливо скривился?

– Мы не вступаем в брак с санхейю. Для этого нам достаточно наших женщин.

– Вот как? – опешила я. – А как же шейнаб?

Кажется, я его рассмешила. Он нагнулся ко мне так близко, что я смогла рассмотреть странный блеск в глубине его глаз, и насмешливо произнес:

– Шейнаб рожают нам сыновей. Кто сказал, что для этого нужно жениться?

Я вздрогнула и отпрянула. И чем шейнаб отличается от наложницы?! Те тоже рожают детей... о, Двуликий, какой позор для любой эйрины! Даже перспектива остаться в старых девах или угодить к даханнам не была достаточно веским доводом, чтобы вступать в незаконные отношения с мужчиной и уж тем более рожать ему детей. Девушка, запятнавшая себя порочной связью, отлучалась от храма, изгонялась из семьи и становилась хайен – непотребной. Любой мог ее обидеть, принудить к чему-либо и никто бы не заступился.

И вот теперь этот даханн говорит мне прямо в глаза, что всех нас ждет судьба хайен?! Отверженных, непотребных девок, о которых никогда ни один жрец Двуликого не упомянет в своей молитве! От которых откажется семья, и чье имя будет навсегда вычеркнуто из родовой книги! Теперь-то я понимаю, почему многие из девушек так печальны, а другие, видимо, не вполне понимают, что шейнаб это вовсе не жена, это позор для санхейю.

– Это ужасно, – еле слышно пролепетала я.

Его взгляд тут же изменился, веселые искорки куда-то исчезли, оставив после себя непроницаемую тьму. Дазган отодвинулся как можно дальше и спрятал руки под плащом.

– Ну почему же, – протянул он с ленцой, – я думаю это отличный бартер. Санхейю лишили наших женщин возможности иметь детей, поэтому мы используем свое право победителя, чтобы хоть как-то стабилизировать ситуацию. Но вы не переживайте, вас никто не обидит. Наоборот, будут заботиться как о самом ценном существе.

Я была ошарашена, унижена, раздавлена. Мне хотелось закричать, сорвать с него эту ненавистную маску и вцепиться ногтями в лицо. Хотелось причинить ему боль и увидеть, как он станет корчиться и молить о пощаде... Но все это было лишь нереальными мечтами.

– Вы так спокойно говорите о позоре и унижении? – прошипела я, не в силах справиться с внезапно накотившей злобой.

Меня буквально трясло, точно своим пренебрежением и насмешкой этот мужчина провал плотину, за которой до сих пор томились все мои эмоции и чувства. Никогда в жизни я не ощущала себя настолько разгневанной. Пустота, которая все это время обитала в моей душе, вдруг начала наполняться злостью, обидой, негодованием, во мне словно зрела маленькая искра, раздуваемая в огромный пожар. И когда этот огонь проник в мои жилы и смешался с кровью, я не выдержала и замахнулась.

Он поймал мою руку на излете, крепко схватив за запястье. Я левша, а потому хрустальная капелька амулета теперь болталась перед его глазами. Только сейчас она буквально пульсировала таким ослепительным светом, что я невольно прикрыла заслезившиеся глаза, а за моей спиной застонала Рини, пряча лицо в колени.

– Как больно! Жжет!

Дазган несколько секунд молча удерживал мою руку перед своим лицом – похоже, что это сияние его ничуть не беспокоило – а потом вдруг коснулся губами тыльной стороны моей ладони. Я хотела возмутиться и даже открыла глаза, но он, по-прежнему удерживая меня одной рукой, второй достал из недр плаща черный платок и, все так же, не говоря ни слова, ловко намотал его на мое запястье.

– Значит, я не слишком ошибся, – странным голосом проговорил он и отпустил меня.

Я тут же забилась в самый дальний угол кареты и спрятала плачущую девочку за своей спиной.

– Не снимайте повязку, пока вас не избавят от амулета, если не хотите, чтобы кто-нибудь из ваших подруг пострадал.

Я почувствовала целую сотню эмоций, которые бурлили во мне, требуя выхода. Большею части из них я даже не знала названия. Я была как слепой, который неожиданно прозрел и не может понять, ЧТО он видит. Это был одновременно и страх, и восторг, и недоумение – целый букет невообразимых красок, о которых я знала лишь понаслышке.

– Что... что со мной? – хрипло выдавила я из себя.

– Как, вы говорите, зовут ваших родителей? – он подался в мою сторону, не спуская цепкого взгляда с моего лица.

Я не знала, что говорить. Назвать чету Димантис? Но ведь сияние амулета явно связано не с ними, а с настоящими родителями, о которых я ничего не знаю.

– Меня воспитали в семье Димантис, – наконец неуверенно произнесла я, – но они не настоящие родители. О настоящих я ничего не знаю.

Он опять снял перчатку и потянулся к моему лицу. Я отпрянула, придавив Рини. Девочка захныкала, дазган сжал свою сияющую кисть в кулак и с видимым усилием убрал под плащ. Мне показалось, что его пальцы дрожали.

– Вы знаете, что вы не санхей? – чужим голосом произнес он. – И никогда ею не были.

Я молча кивнула.

– Как давно вам это известно?

– Моя мать... – я запнулась, – моя приемная мать сказала мне об этом сегодня.

Он как-то неопределенно хмыкнул.

– Полагаю, именно потому вы здесь вместо эйрины Димантис.

Я вновь ощутила внутри себя волну негодования и обиды. Дазган откинул плащ и вернул перчатку на место.

– Ни о чем не беспокойтесь, – сказал он. – Сейчас вы пройдете на мой корабль, и я полностью позабочусь о вас... – он покосился в сторону Рини, – и вашей подруге.

Только теперь я заметила, что карета стоит.

Выбравшись из кареты, я на мгновение задохнулась от красоты открывавшегося вида. Передо мной, насколько хватало глаз, расстилалось безбрежное море. Стоявшее в зените солнце пронизывало его лучами до самого дна, от чего по водной поверхности скользили яркие блики, а у пристани на приколе стояли величественные фрегаты с приспущенными парусами.

– Я думала, они не заходят в порт, – ошеломленно пробормотала я.

– Здесь глубина тридцать пять футов, – отозвался наш сопровождающий, – свободно проходит даже сто пушечный линкор. Позвольте вашу руку.

Я, как во сне, вложила в его ладонь чуть дрожащие пальцы. Рядом тут же образовалось несколько даханнов, подхвативших наш багаж, а Рини буквально прилипла ко мне с другой стороны. В голове все смешалось: обида на прошлое, страх будущего, опасения, неизвестность и где-то в самой глубине крошечный огонек надежды. Эйра Димантис сказала, что я даханни, возможно, последняя в мире... Но дазган пояснил, что женщины у них есть, хоть и мало. Может, даханни означает не просто женщину? И откуда же я взялась, если их женщины бесплодны еще со времен Войны?

Порывистый ветер трепал мои косы, рвал подол плаща, заставляя кутаться сильнее. Каменные плиты под ногами заменили широкие просмоленные доски пирса, закончившиеся сходнями, выкрашенными белой краской. Я подняла голову, пытаюсь осознать всю глубину произошедших со мной событий. Прямо перед глазами возвышался тяжелый бок корабля, резные поручни и уходящие вверх мачты.

– Идемте, – подстегнул дазган. – Я выделю вам каюту на время путешествия. Постараюсь поближе к своей, чтобы избежать ненужного внимания.

Я непонимающе взглянула на него.

– Какая в этом надобность? Разве на этом корабле не будет других девушек?

– На этом не будет. Это военный фрегат, а не пассажирский. Мы идем в сопровождении с посольской миссией на борту. А корабли шейнаб, – он неопределенно взмахнул рукой, – они пришвартованы с другой стороны. В соседней гавани.

Мы уже стояли на сходнях, и куда-то бежать было просто нелепо. Но слова мужчины насторожили меня. Я ведь и в самом деле не обратила внимания на то, что кроме нас с Рини женщин здесь больше не было, и наша карета оказалась единственной, остановившейся у этого причала. Остальные экипажи проезжали дальше вдоль набережной и исчезали за поворотом. Я даже вытянула шею, пытаюсь разглядеть, куда они едут, но обзор закрывали складские строения и темные стены доков.

– К чему такая честь? – я недовольно нахмурилась. – Почему мы не можем путешествовать с остальными девушками?

– Ваш амулет, – голос дазгана был полон досады, – его не стоит показывать другим, если не хотите проблем. Вы ведь даже не понимаете, что представляете собою?

– Так объясните мне. Я достаточно разумная, чтобы понять. Тем более это касается меня лично.

– Обязательно. Но позже и наедине.

За разговором я сама не заметила, как оказалась на борту фрегата. По палубе сновали матросы в одинаковой форме: широкие темно-синие штаны, короткая куртка такого же цвета, белая рубашка с отложным воротником, скрученный шейный платок, а на ногах короткие мяг-

кие сапоги с широким голенищем. Почти у всех рубашки были распахнуты на груди, а на бедрах болтались ножны с двумя короткими кинжалами.

Мужчины разворачивали паруса под чутким руководством двухметрового амбала с трубным голосом, который нещадно костерил их на непонятном каркающем языке. Марсовые ловко передвигались по снастям, их юркие силуэты с обезьяньей ловкостью мелькали среди такелажа. Это была слаженная и четкая работа, где каждый знал свое дело и следовал строго установленным правилам.

Но самое странное было то, что их лица не скрывали маски, хотя и к санхейю они не имели ни малейшего отношения: выше среднего роста, коренастые, с темной кожей и густыми курчавыми волосами. Миндалевидные глаза цвета спелой вишни блестели из-под густых коротких ресниц, а лица были лишены даже намека на растительность.

– Кто эти люди? – изумилась Рини. – Это же не даханны?

– Нет, – мне показалось, что дазган поморщился, – не думаю, что вам стоит с ними знакомиться. Следуйте за мной.

Стараясь не отставать, мы пересекли мостик, поднялись на левые шканцы, а потом по ступенькам в рубку.

Дазган пригласил нас войти.

– Можете переодеться и отдохнуть здесь до ужина, – сказал он, распахивая дверь в каюту под рубкой. – Пока не выйдем в море, я не смогу обеспечить вам комфорт. Я ведь даже не предполагал, с кем мне доведется столкнуться.

Раздался четкий отрывистый приказ, и сразу загремела цепь, вытравливая якорь. Я беспомощно оглянулась. Корабль готовился отдать швартовы.

Закусив губу, я молча подчинилась и вошла в каюту. Все эти странные намеки сбивали меня с толку, но я понимала, что сейчас не время приставать с вопросами, а потому безропотно подчинялась этому странному мужчине, вокруг которого чувствовался ореол власти.

– Сколько я пробуду на вашем корабле? – поинтересовалась я.

– Если будем идти под всеми парусами и при попутном ветре, то через три недели достигнем аванпоста империи. Там девушкам будет дана возможность отдохнуть пару дней, а затем еще неделя до резиденции императора – острова Ризенпорт.

– А дальше?

– Дальше как кому суждено. Но вы особый случай. Вопрос с вами будет решаться в индивидуальном порядке. Располагайтесь, встретимся за ужином.

Мы с Рини безропотно уселись на широкий сундук, почти у самого входа, и проводили своих конвоиров молчаливыми взглядами. Те оставили наши вещи и бесшумно исчезли, похожие на темных демонов преисподней в своих загадочных одеждах.

Едва мы остались одни, как девочка облегченно всхлипнула, а внутри меня будто лопнула какая-то струна, от чего плечи безвольно опустились, а спина сторбилась. Вот и все. Мы на одном из даханских фрегатов, да еще на военном. Отрезанные от родных и даже от остальных девушек, оказавшихся на других кораблях.

Я обвела взглядом капитанскую каюту. Почему этот дазган привел нас сюда? И где сам капитан?

Небольшое квадратное помещение было обставлено простой добротной мебелью, закрепленной в полу: узкая кровать, рассчитанная на одного, встроенный шкаф, парочка больших сундуков с внушительными замками, длинный стол, застеленный зеленым сукном, и несколько стульев. Слева от входной двери я заметила еще одну, скромно таившуюся за портьерой, и направилась туда, ведомая любопытством. Мне показалось, что это уборная, только она была довольно странной, не такой, как я привыкла видеть дома. Здесь обнаружилась большая фаянсовая емкость, похожая на раковину, но ни крана с водой, ни стока я не нашла. Точно

так же меня поразил стульчак. Вполне обычный, если не считать его удивительной чистоты и отсутствие запаха. Складывалось ощущение, что им никогда не пользовались.

– Виель! – слабо позвала Рини. – Мы можем немного вздремнуть? Я очень устала...

Я поспешила к девочке, аккуратно закрыв за собой дверь.

В это время пол под ногами вздрогнул, будто мы находились в чреве гигантского животного, решившего размяться после долгой спячки. Меня качнуло, когда корабль лег на левый борт, видимо, разворачиваясь носом к морю. С палубы доносились радостные крики и четкие рубленые фразы, сказанные знакомым голосом, но на чужом языке. Я узнала дазгана, но его тон был таким командным, что я на мгновение засомневалась: а не он ли таинственный капитан этого фрегата?

На входных дверях обнаружился небольшой засов. Я быстренько задвинула его и вернулась к кровати, где Рини уже вовсю взбивала подушки и вила гнездо из одеяла. Скинув верхние платья и чулки с туфлями, мы с ней без зазрения совести улеглись в капитанскую кровать. Бояться гнева неизвестного хозяина было просто глупо. Нас ведь и привели сюда для того, чтобы мы отдохнули. Вот мы и будем отдыхать.

Прижавшись к теплому боку девочки, я закрыла глаза, отдавая себя легкой качке, не дававшей забыть о том, что корабль выходит в море.

Глава 8

Громкий стук заставил меня вынырнуть из блаженной дремы. Еще не вполне понимая, где нахожусь, я расслабленно потянулась и вдруг обнаружила у себя под боком чужое теплое тело. Села, испуганно прижимая одеяло к груди, но тут же облегченно рассмеялась: Рини! Я совсем забыла про девочку, а она практически прилипла ко мне, обвив руками и ногами.

Стук повторился, став еще настойчивее. Похоже, кто-то за дверью терял терпение.

Я вскочила с кровати, лихорадочно приводя себя в порядок, крикнула, чтоб подождали. В ответ донеслось невнятное бормотание, очень похожее на проклятья. На кровати села перепуганная Рини.

– Одевайся, – шепнула я, бросая ей платье, – кто-то пришёл.

Мы помогли друг другу справиться со шнуровкой корсажа, натянули чулки и влезли в туфли. Пока девочка приводила в порядок кровать, я пригладила волосы, стянув их в крепкий узел на затылке. Лишь несколько непослушных прядей остались виться у висков и на затылке.

Наконец, я отодвинула засов. Дверь тут же распахнулась, и на пороге возник знакомый темный силуэт. Хоть все даханны и были неотличимы друг от друга из-за одинаковых одежд, дазгана я узнавала сразу: по той тяжелой давящей ауре, которая пульсировала вокруг него будто темный ореол. Я не видела ее, но чувствовала всякий раз, когда он оказывался в пределах моего взгляда.

– Эйрины, – он приветственно кивнул, – позвольте пригласить вас к ужину. Ваша каюта уже готова, так что после трапезы вы сможете насладиться отдыхом. Эйрина Рувейнис, – он шагнул к Рини, которая от страха едва держалась на ногах, и застегнул на ее шею тоненькую цепочку с небольшим камнем, ограненным в форме сердца, – этот амулет поможет вам легче воспринимать даханнов. Эйрина Димантис, – я подняла на него недоуменный взгляд, – вам подобная вещь ни к чему, наоборот, это мы вынуждены защищаться от вашего влияния.

И он, едва слышно хмыкнув, распахнул плащ. На черном сукне военного мундира блеснули золотые аксельбанты. Поверх них виднелся крупный камень, только у девочки он был голубым, а у него – насыщенно-синий.

– Что вы имеете в виду? – насторожилась я.

– Корабль это территория империи и здесь действуют законы Тысячи Островов. Вам придется столкнуться с даханнами без перчаток и масок, а для санхейо этот опыт может быть весьма и весьма болезненным. Амулет защитит вашу подругу от нашего влияния, а вот с вами все обстоит куда сложнее. Никто не думал, что подобные вам еще существуют, а потому никто не позаботился о защите. На корабле всего три амулета, позволяющих гасить ваше воздействие, а потому вам придется ограничить общение с даханнами. Контакттировать с вами буду только я и два моих помощника, которых я выделил вам в охранники.

От таких слов я просто оторопела. Впервые слышу, что у меня есть какое-то "влияние", защищаться от которого нужно специальными амулетами. До сих пор никаких проблем с этим не было... хотя не зря же этот странный тип заставил ехать вместе с ним и всю дорогу не спускал с меня глаз. Да и никто кроме него не обращался ко мне, если не считать того первого, что нашел нас в гостиничном номере.

Все эти намеки и недомолвки начинали меня нервировать. Я бы с превеликим удовольствием зажала этого дазгана в каком-нибудь темном углу и вытрясла из него всю правду. Но я была слишком голодна, да и разговаривать при свидетелях мне не хотелось, мало ли что там за тайны, вдруг девочка еще и меня бояться начнет.

– Когда мы сможем серьезно поговорить? – я уставилась на дазгана немигающим взглядом. – Вы должны мне многое объяснить.

– Не переживайте, – он усмехнулся, – я тоже жду этого разговора. После ужина, вас устроит? – я с задержкой кивнула. – И не слишком удивляйтесь, ужинать вам придется в моей компании и компании двух моих помощников. Причину я уже объяснил: отсутствие нужной защиты.

Он распахнул перед нами дверь, и мы наконец-то покинули капитанскую каюту.

Ужин накрыли в салоне, примыкавшем к камбузу, но кроме двух мужских силуэтов в помещении больше никого не было. Когда мы вошли, эти двое стояли, повернувшись спиной к входу и что-то тихо обсуждали, но едва дазган открыл дверь и пропустил нас вперед, как они развернулись.

Я остолбенела. Рини ахнула, и я ощутила, как она всем весом повисла на моей руке, будто бы ей в один момент отказали ноги.

Перед нами стояли два сияющих грешных ангела... правда без крыльев: тонкие изящные черты лица, большие раскосые глаза, сияющие как два драгоценных камня под четким разлетом темных бровей; длинные, блестящие как шелк, золотисто-пепельные волосы... Оба незнакомца имели высокие скулы, твердый подбородок и аккуратный прямой нос.

Казалось, такая красота не могла появиться случайно, здесь приложил руку великий скульптор, создавший прекрасные статуи и ожививший свое творение.

Тело каждого даханна, прежде скрытое плащом, оказалось под стать его лицу. Каждый из незнакомцев был высок, гибок и строен. Без агрессивно бугрящихся мышц, но с грацией прирожденного фехтовальщика и скрытой силой затаившегося тигра.

Идеальная военная выправка; строгий мундир черного цвета, украшенный серебряным галуном. Несмотря на позднее время, форма абсолютно безупречна; все пуговицы застегнуты, светлые волосы забраны в низкий хвост и зачесаны волосок к волоску. На воротнике-стойке узкие лычки с непонятным значком, такой же значок нашит на правом предплечье: вписанная в голубой круг перевернутая пурпурная пирамида, а в центре серебряный якорь. Через грудь, крест-накрест, идут две широкие портупей. У правого бедра красуется слегка изогнутая абордажная сабля с широким эфесом, у левого – кортик. Черные гладкие ножны украшены серебряной филигранью. На поясе, с двух сторон, торчат инкрустированные серебром рукоятки пистолетов. И такое чувство, будто передо мной не живые существа, а идеальные машины для убийства.

Каждый открытый участок кожи этих мужчин испускал слабое серебристое сияние, окружавшее их словно дымка. Светились лица, руки, волосы... было такое ощущение, будто их головы украшает сияющий нимб.

– Позвольте представить моих помощников и по совместительству ваших охранников на время путешествия, – вывел меня из транса суровый голос дазгана. – Эден Арзуин, моя правая рука, с ним вы уже имели честь встретиться сегодня в гостинном доме, – один из даханнов, тот, что повыше, галантно поклонился, и мне показалось, что в его глазах мелькнуло предвкушение. – Лиер Ордзан, мой адъютант и секретарь. – Второй тоже сделал приветственный поклон.

– Виель... – пролепетала я в полном восторге, – Виель Димантис.

Они оба казались мне не настоящими, а какими-то сказочными существами, сошедшими со страниц с фантастическими историями. Я зачарованно таращилась на них, не в силах отвести глаза, пока моего слуха не коснулось тоненькое подвывание, полное еле сдерживаемого ужаса.

– Рини? – я изумленно перевела взгляд на девочку. Та тоже не могла оторваться от созерцания даханнов, только ее глаза вместо восторга были наполнены страхом. – Что с ней?!

Дазган, все еще в маске, подошел ко мне и взял Рини за руку. Он что-то шепнул ей, и девочка безропотно пошла за ним к столу, где молча села и сложила руки на коленях. Теперь ее взгляд стал отсутствующим, будто она заснула с открытыми глазами, но стоны прекратились. Я в шоке обвела взглядом всю честную компанию и машинально оглянулась в поисках выхода.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.